

КОВЕН

КРОВАВАЯ ЛУНА

СОФЬЯ КАШИРСКАЯ

18+

Софья Каширская

Ковен: Кровавая Луна

<https://litres.ru/74021823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я живу в городе, где ритуальные убийства давно стали нормой. И самое страшное — люди к этому привыкли.

Теперь я сама стою среди ведьм во время Кровавой Луны, слышу шёпот мёртвых и пытаюсь понять, сколько крови нужно пролить, чтобы выжить.

Здесь сила не делает тебя особенным. Она превращает тебя в чудовище, которое рано или поздно вырывается наружу.

Содержание

Часть 1: Пробуждение. Глава 1: Серое утро в Блэкмунэйле.	4
Глава 2: Тень наследия.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Софья Каширская

Ковен: Кровавая Луна

Часть 1: Пробуждение. Глава 1: Серое утро в Блэкмуэйле.

Лес дышал ночью. Он был тёмн, как безлунное небо, и полон звуков, которые пугали не своим шумом, а нарастающим напряжением. Из-под гнилых корней сочился туман — вязкий, словно слизь, — и стелился по земле, скрывая тропы, пожирая дорогу, по которой бежала девушка.

Она дышала хрипло, обрывисто, словно каждое новое движение вырывалось сквозь боль. Ветки царапали кожу, рвали одежду, хлестали по щекам. Справа мелькнула тень — она сжалась, но не остановилась. Нельзя останавливаться.

Позади шли трое. Они не торопились. Их бордовые мантии сливались с мраком, как кровь с чёрной водой. Лица скрывали капюшоны, а движения были неестественно плавными, беззвучными. Они не просто преследовали — они охотились.

Девушка оступилась, вскрикнула, упала на колени — но поднялась. Её ноги были покрыты грязью и ссадинами, губы треснули от сухости. Мир качался, но она всё ещё дер-

жалась. Она начала бежать, как умела, как могла, в сложившихся обстоятельствах. Обернулась, чтобы проверить своих преследователей.

И вдруг — корень. Резкий. Едва видимый в тумане. Падение. Хруст. Всё вокруг померкло от боли. Она хотела закричать — не от страха, а от животной, режущей боли, пронзившей ногу. Она знала этот звук. Перелом. Девушка взглянула вниз. Из ноги торчала кость, кровь тонкой струйкой вытекала наружу.

— Нет нет — выдох сорвался с губ, как молитва.

Она оглянулась. Никого. Только туман. Только дыхание леса. Девушка повернулась вперёд, поползла на локтях, сжимая зубы. Сердце стучало в висках. Её пальцы оставляли кровавые следы на камнях. Она почти уже не верила, что выживет, но ползла. Потому что иначе — смерть.

В мыслях поселилась крошечная, почти нелепая надежда. Надежда на жизнь. И тут они появились. Трое. Окружили. Без слов. Без звука. Один поднял руку. В ней был нож — длинный, изогнутый, с лезвием, которое не отражало свет. Металл был мёртвым. Магическим. Жертвенным. Девушка открыла рот — то ли закричать, то ли взмолиться — но не успела. Лес содрогнулся от крика. Пронзительного. Не человеческого. Почти животного. И затем пришла тишина.

Город Блэкмунэйл не просыпался — он разворачивался во сне, как старый кот, которому незачем вставать. День здесь редко начинался с солнца — чаще с серого неба, на ко-

торое будто навечно натянули тусклую вуаль. Туман, словно ветхая простыня, сползал с холмов, затопляя улицы, петлял между викторианскими особняками, просачивался под двери и щели старых домов.

В этом городе часто бывали туристы, но никто не хотел задерживаться здесь надолго. В интернете можно было найти много мрачных фотографий Блэкмунэйла, кто-то считал, что эти фото хорошо отредактировали, чтобы нагнать жуткой атмосферы, но это не так.

В таких местах люди не улыбаются прохожим. Они смотрят в пол, спешат домой, и, если кто-то выходит ночью — он выходит не просто так. Ни для кого из местных жителей не было секретом, что в этом городе живут ведьмы. Люди знали их адреса, но никогда не решались подойти и заговорить. О ритуальных убийствах говорили, не утаивая, — слишком открыто, — ведь даже государственные власти боялись ковен: их силы, их влияния и того, как легко можно лишиться их поддержки.

Родственники жертв не искали справедливости. Они страдали молча, понимая, что в этой системе ничего нельзя изменить. Сегодня забрали одного — завтра могут прийти за другим. Любое возмущение могло обернуться ещё большей бедой, поэтому страх и боль они прятали глубоко внутри, не вынося их на свет.

И всё же никто не уезжал. Город удерживал. С каждым годом всё сильнее — будто невидимая нить вплеталась в со-

знание, в память, в самую сущность человека. Люди чувствовали эту привязанность, но редко задумывались о её природе. Здесь было опасно, тревожно, неправильно — и всё же по-своему притягательно.

Иерархия была жёсткой и неумолимой. Она давила на всех — от простых горожан до тех, кто считал себя неприкасаемым. Если даже высокопоставленные люди держались в стороне, то что оставалось обычным гражданам?

Морозящий дождь был здесь не погодой, а состоянием. Он начинался без предупреждения. Южный ветер приносил с собой сырость и запах прелых листьев. Иногда казалось, что город затаился. Ждал. Чего-то нехорошего.

На южной окраине, в доме с облупившейся калиткой, жила Мелания Мон. Проснулась она, как всегда, до будильника. Глухой серый свет сочился сквозь плотные шторы, придавая комнате блеклость старой фотографии. Где-то в доме скрипнули половицы — будто кто-то прошёл по коридору. Но Мелания знала — они всегда скрипят, даже когда никто не ходит.

Она лежала, уставившись в потолок, слушая, как дождь почти беззвучно скользит по стеклу. Мысли не спешили принимать чёткую форму. Уже год прошёл с окончания школы — всё тянулось одинаково: серо, медленно, будто и не шло вовсе.

Колледж казался чужим. Слишком светлым, слишком реальным. Не для неё. Меланию здесь всё устраивало — кроме

ощущения, что жизнь будто ждёт, затаившись за занавеской. Иногда ей казалось, что дом сам дышит. Не сквозняками — чем-то другим. Как будто здесь осталось что-то большее, чем просто пыль, книги и молчание матери.

— Мам? — крикнула она, не вставая.

Тишина. Долорес Мон не любила утро. Она вставала поздно, двигалась тихо, почти незаметно, и всегда что-то прятала — в глазах, словах, внезапных сменах темы.

Мелания поднялась. Накинула тёплый кардиган, надела белые пушистые тапочки — чтобы не застудить ноги. Спустилась по лестнице и прошла на кухню. Дождь сделал всё вокруг влажным — окна запотели, воздух был сырой, и чайник закипал так, будто пытался пробудить сам дом. На холодильнике висел список покупок, написанный аккуратным почерком матери.

Мелания подошла к окну. На улице стоял тот самый туман, о котором писали в путеводителях: вязкий, тягучий, такой, будто дышит. В нём не было ни одного прохожего. И вдруг — за запотевшим стеклом она увидела фигуру. Человеческий силуэт. Стоящий неподвижно у старого фонаря, через дорогу от их дома. Он стоял слишком тихо и долго. Мелания отпрянула, сердце пропустило удар. От жуткого зрелища её отвлек голос мамы.

— Доброе утро, дорогая.

Когда Мелания снова выглянула — фигуры уже не было. Только дождь, и серое дрожащее пятно на мокром асфальте.

— Почему ты так уставилась в окно? — голос Долорес прозвучал резко, с хрипотцой, будто она давно не говорила вслух.

Мелания вздрогнула.

— Просто смотрела... — неуверенно сказала она, отвернувшись.

— Там кто-то был?

— Нет, — слишком быстро ответила она.

Долорес замолчала, наливая себе кофе. Пар от кружки поднимался тонкой струёй и растворялся в воздухе.

— Хватит уже витать в облаках, пора подумать о колледже, — сказала мать так, будто подбирала этот момент давно.

Мелания закатила глаза.

— Мы уже говорили об этом. Я хочу найти то, что мне будет нравиться. Не хочу всю жизнь потратить на нелюбимое дело.

— Ты не можешь просто сидеть в этом доме вечно, Мелания! — в голосе Долорес появилось то напряжение, что обычно пряталось за молчанием. — Все идут дальше. А ты что? Ждёшь, пока стена заговорит? Год назад у нас с тобой был этот разговор. Я, как понимающая мать, дала тебе время. Время на отдых, время на поиски, а ты тратишь его впустую.

— Я не вижу причин спешить, — уверенно произнесла Мелания. — Я не готова. Я хочу остаться. Здесь. Ещё хотя бы на год.

— Зачем? Чтобы окончательно раствориться в этом горо-

де-призраке? — мать подошла ближе. — Я понимаю, что ты хочешь быть уверена в будущем. Но жизнь — это не фильм. Это реальность. И она тебя не станет ждать.

— Тогда давай поговорим о реальности. Я ничего не знаю о нашей семье. О тебе. О себе. Про бабушку я вообще молчу. Так о какой реальности ты говоришь?

Молчание было долгим. Почти тягучим. Лицо Долорес побледнело. В глазах — ни злости, ни обиды. Только страх.

— Не смей, — прошептала она. — Не смей говорить о том, чего не понимаешь.

— Тогда объясни, — тихо сказала Мелания, но ответа не последовало. Тишина стала настолько плотной, что ей захотелось выйти из дома.

И она, гордо подняв голову, вышла.

Улица встретила её свежей, влажной прохладой. Туман почти рассеялся, но воздух всё ещё был тяжел. Город, как всегда, был в себе — будто в задумчивости. Мелания брела без цели, пока не вышла к старой доске объявлений, что стояла у библиотеки. На ней появилось что-то новое: яркие красные листовки, непривычно свежие для этого места.

На бумаге была изображена красная луна на тёмном небе, под луной — танцующие фигуры в средневековых нарядах. И надпись: "Через год. Праздник Кровавой Луны. 00:00. Площадь Света. Подари ночь своему городу." Внизу мельчало: "Помни древнее. Почти вечное. Почувствуй силу."

Мелания взяла одну листовку в руки. Бумага была тёплой,

будто только что напечатана. Она почувствовала, как что-то дрогнуло внутри.

Скоро всё изменится. Навсегда.

На обратном пути Мелания проходила мимо старого кинотеатра "Ночь и Пепел". В сером городе он выглядел как вспышка — окна подсвечены изнутри, афиши глянцевые, как будто только что развешаны, а у входа — редкое зрелище для Блэкмунэйла: очередь.

Люди смеялись, переговаривались, кто-то ел карамельный попкорн, будто это был не город мрака, а нормальное место с нормальной жизнью. И среди этой живой массы она увидела парня.

Он был высоким, кудрявым и тёмноволосым, чуть взъерошенным, в чёрном пальто, которое подчёркивало широкие плечи и почти театральную осанку. Его смех звучал громко, легко, будто он не чувствовал на себе груз этого города. Рядом с ним стояли две девушки, обвивая его руками, и он, кажется, рассказывал какую-то историю, вызывая у всех приступ весёлого восторга. Он выделялся. Как огонь в камине, в доме, где все забыли, как согреться.

Мелания остановилась, не сразу осознавая, что стоит и смотрит. Что-то в его движениях — в том, как он запрокинул голову, как лениво поправил воротник, — было пугающе притягательным.

Парень вдруг обернулся. И поймал её взгляд. И тогда он ухмыльнулся. Медленно, без слов, чуть наклонив голову —

как будто узнал её. Или хотел, чтобы она так подумала. Мелания резко отвела взгляд и пошла дальше.

Вот ещё! Думает, если красивый — то можно пялиться на всех подряд. Наверное, очередной самовлюблённый наследник местной фамилии. А может, просто турист.

Но где-то глубоко внутри неё всё ещё тлел остаток его взгляда. И странное, нелепое ощущение, будто этот момент уже был. И ещё будет.

К вечеру небо окончательно потемнело. Мелания собралась идти домой. Она прошлась по аллее, по центральной улице и немного успокоилась. Мелания уже давно потеряла надежду на честный разговор с мамой, и это чувство резало её сердце, болеее ножа.

Дом встретил её привычной сыростью, запахом книг и плесени, который с детства ассоциировался с матерью. Она закрыла дверь на замок. Предчувствие подсказало, что это лучшее решение. Мелания замерла в прихожей.

На кухне горел свет, и оттуда доносился негромкий шум: капал кран, тикали старые часы, что-то булькало на плите. Мелания уже собиралась пройти в свою комнату на втором этаже, но услышала голос матери.

— Мелания, зайди на минуту.

Она замерла. Этот тон — не приказывал, но и не спрашивал. Такой голос у Долорес бывал редко. Обычно она просто молчала. Или делала вид, что не замечает.

Мелания медленно зашла на кухню. Долорес сидела за

столом, перед ней — кружка недопитого чая. Она не смотрела на дочь. Смотрела в окно. В своё отражение, или за него — туда, где сгущалась темнота.

— Ты говорила про бабушку, — голос у неё был ровный, но руки слегка дрожали.

Мелания не ответила. Только села напротив.

— Лилит... — тихо сказала мать. — Она не была такой, как ты думаешь.

— А какой она была? — почти прошептала Мелания. — Потому что всё, что я о ней знаю — это имя. И фото в альбоме. Где она смеётся. А ты ни разу даже не рассказывала, что она любила. Или чего боялась.

— Она боялась самой себя, — сказала Долорес. — Вот что тебе нужно знать.

Повисла пауза.

— Она была ведьмой, да? — спросила Мелания.

Долорес вздрогнула.

— В этом городе не всё сказки, Мел. Есть вещи, которые лучше не трогать. Даже если они твои по крови.

— Но я хочу знать, — сказала Мелания. — Это моё право.

— Нет, — отрезала мать. — Это твой выбор. А выбор — всегда приносит цену.

Она встала, подошла к шкафу, на секунду замерла, будто перед тем, как открыть что-то тяжёлое — физически и эмоционально. Достала старую коробку. Чёрную, пыльную, перевязанную выцветшей лентой.

— Если ты действительно хочешь знать правду — начни отсюда. Но помни: ответы, которые ты ищешь, могут не понравиться. Ни тебе, ни мне.

Мелания смотрела на коробку. Её сердце билось, как ба-
рабан. Нерешительно, но сильно.

— Что там?

— Наследие, — прошептала мать. — Или предупреждение. Зависит от того, как ты это прочтёшь.

Мелания неуверенно протянула руки вперёд, чтобы открыть содержимое коробки. Она ещё не знала, чего боится больше — не узнать правду или узнать её до конца.

Внутри лежали зашифрованные записи, будто написанные впопыхах. Фотографии с людьми в мантиях.

— Прошу, не молчи, — сказала Долорес с грустью. — Задавай вопросы. Только не молчи.

— Поклянись, что будешь отвечать честно, без утаивания и лжи, — решительно произнесла Мелания.

— Клянусь...

Мелания аккуратно взяла одну из записей и показала матери.

— Тут написано, что вы с бабушкой были ведьмами. Это правда?

— Нет не совсем, — тихо, с лёгким стоном, протянула Долорес. — Я могла стать ведьмой но однажды избавилась от метки. Отреклась. Навсегда. Лилит, наоборот, гордилась своей силой. Принимала её. Она умела колдовать и убивала

людей.

— Что за метка?

— Метка мёртвой полыни. Она появляется у тех, кому уготована ведьмовская судьба. Ты сама решаешь — принять её или нет. Для меня метка была клеймом убийцы.

Долорес скривилась.

— Лилит жила магией. Для неё смерть была частью силы. Она не просто колдовала — она управляла чужой волей, ломала судьбы, если хотела. Мне это было чуждо. Я взяла нож, раскалила его над горелкой и выжгла метку с кожи. Мама тогда очень злилась на меня, но со временем смирилась.

Она глубоко вдохнула.

— Потом мы с Лилит перестали общаться. Я, наконец, смогла жить спокойно. А потом узнала, что беременна — и моему счастью не было предела. Но длилось оно недолго. Мама узнала, что у неё появится внучка. Она была уверена: из тебя выйдет прекрасная ведьма. На меня надежды уже не было. Она хотела забрать тебя. Хотела научить всему, что знала. Я была напугана. Не знала, что делать. Лилит умерла сразу, как ты появилась на свет.

Долорес замолчала. Время, пока она собиралась с силами, для Мелании показалось вечностью.

— Я должна была почувствовать грусть. Но вместо этого пришло облегчение, — с тоской прошептала Долорес.

Как всё удобно вышло. Бабушка хотела меня забрать — и вдруг умерла. От чего? Или от кого? Может из-за меня?

Мелания сжала пальцами край записки, не решаясь снова взглянуть на мать. В горле застрял ком.

— Мам мне нужно время, — тихо сказала она, стараясь, чтобы голос звучал мягко, без обвинений. — Я должна переварить всё это.

Долорес подняла взгляд, словно хотела что-то добавить, но лишь кивнула и опустила глаза обратно на кружку, где чай уже остыл.

Мелания осторожно закрыла коробку, встала и направилась к лестнице. Каждый шаг по скрипучему полу казался слишком громким. Поднявшись к себе, она закрыла дверь в комнату, словно ставя между ними стену. Бросила взгляд на тёмное окно — в нём отражалась только её усталость и тревога. Она упала на кровать, не раздеваясь, и уткнулась лицом в подушку. Голова гудела от мыслей. Слова матери звенели в ней, как эхо, и каждое — резало сильнее, чем предыдущее. И только сердце упрямо твердило: что-то в этой истории не так.

Прошло несколько часов, по ощущениям — вечность. Мелания всё так же лежала на кровати, снова и снова прокручивала в голове разговор с матерью.

Почему мне так беспокойно? Мама могла обмануть меня? Или она действительно рассказала всё? Или утаила самое главное?

Она перевернулась на спину, уставившись в потолок. Тьма комнаты казалась густой, почти осязаемой, и будто тянулась

к ней. Мелания не заметила, как подкрался сон.

Лес. Она шла босиком по влажной траве. Тонкая белая сорочка прилипла к телу, а холод от росы пробирал до костей. Повсюду клубился туман — густой, вязкий, словно дыхание самой земли. Вдалеке небо начинало чернеть, будто кто-то тушил свет. И вдруг из тумана вышла она. Мелания сразу же поняла это — Лилит.

Бабушка стояла совсем близко, глаза её горели тревогой. Голос прозвучал глухо, словно сквозь воду:

— Ведьмам нельзя верить. Никому не верь.

Прежде чем Мелания успела открыть рот, Лилит исчезла. Словно её стёрли из этого сна. Лес начал оживать. Поднялся ветер, он качал деревья из стороны в сторону. Мелания съёжилась от холода и прижала руки к телу, чтобы немного согреться, но холод уже давно забрался под её кожу и растекался по венам.

За спиной послышались шаги. По телу Мелании пробежали мурашки. Она обернулась — и увидела силуэты в бордовых мантиях. Они шли на неё медленно, но неотвратимо. Мелания бросилась бежать, споткнулась, упала в грязь. Сорочка моментально потемнела от влаги и липкой земли. Один из людей в мантии настиг её. В его руке сверкнул нож. Резкая боль обожгла плечо, прямо под правой лопаткой. Мелания вскрикнула — и проснулась.

Она вся дрожала и задыхалась, простыня прилипла к коже от пота. Сердце колотилось так сильно, будто собиралось

вырваться. Мать спала в своей комнате, дом погрузился в ночную тишину.

Мелания на цыпочках прошла в ванную, включила душ. Тёплая вода стекала по лицу, по волосам, по плечам, но вместо облегчения она почувствовала странное жжение. Словно по её коже кто-то водил остриём ножа. Она вскрикнула и упала на кафель, ударившись головой. Мир померк на несколько секунд.

Очнувшись, она провела рукой по виску — пальцы оказались в крови. Небольшая ссадина, ничего страшного, но сердце колотилось ещё сильнее. Подойдя к зеркалу, она медленно развернулась. И застыла. На правой лопатке проступал узор. Кровь стекала тонкими линиями, складываясь в очертания странной травы. Листья тянулись вверх, острые, как лезвия. Она вытерла плечо полотенцем, но кровь лишь размазалась, подчёркивая узор. На коже остался заживший, свежий шрам. Метка. Метка мёртвой полыни.

Мелания не верила своим глазам. Сердце билось так яростно, что казалось — оно вот-вот пробьёт грудную клетку.

— Нет этого не может быть — прошептала она, отступая от зеркала.

Но шрам оставался. Чёткий, резной, как будто его вытравили в самой плоти. Ужас сжал её изнутри, но вместе с ним родилось другое чувство. Непрошеное. Сильное. Словно эта метка была не чужой, а её собственной — чего-то давно за-

бытого, но теперь вернувшегося. Она провела дрожащими пальцами по узору. Вместо боли почувствовала жар, будто метка дышала под кожей, откликаясь на её прикосновение.

— Почему почему именно сейчас? — голос сорвался, превратился в шёпот.

Мелания зажмурилась, но даже во тьме видела этот знак, отпечатавшийся в сознании. Он манил. Пугал. И вместе с тем притягивал, как запретная тайна, которой она боялась и жаждала одновременно. Она уронила полотенце на пол и прижалась спиной к холодной стене. В голове звучал отголосок сна: "Никому не верь."

Мелания поняла, что теперь уже не сможет вернуться к прежней жизни. Метка поставила точку. И открыла новую дверь.

Глава 2: Тень наследия.

Мелания вздрогнула и открыла глаза. Комната была тихой, но сердце всё ещё гулко билось, напоминая о ночи. Она резко села и, не думая, подбежала к зеркалу. Дрожащими пальцами откинула прядь волос с плеча и повернулась боком. Метка была на месте. Чёткий шрам мёртвой полыни темнел на коже, будто нарисованный тонким лезвием. Ни сна, ни галлюцинации — всё реально. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула и, отступив, быстро накинула на себя просторную рубашку, будто хотела спрятать след от самого мира. Кинула в сумку первую попавшуюся тетрадь и ручку, сверху набросила пончо. Несмотря на лето, утро оказалось промозглым, и холодный воздух, проникающий сквозь окна, будто подчёркивал тревогу внутри неё.

На кухне уже хлопотала мать. Долорес улыбнулась и сказала привычное:

— Доброе утро, милая.

Мелания кивнула, не останавливаясь, и быстрым шагом вышла из дома. В груди неприятно заняло — интуиция подсказывала, что мать не расскажет всей правды. По дороге в библиотеку Меланию посещали разные мысли, от которых невозможно убежать.

Никому нельзя верить, но как я узнаю правду? Бабушка никогда не приходила в мои сны. Что изменилось? Что-то

грядёт. Мне очень страшно. У меня нет близкого человека, которому можно было бы рассказать всё. Мне очень одиноко. Если бы я пошла в колледж, ситуация бы изменилась? Нет, бессмыслица!

Библиотека встретила её тишиной и запахом старой бумаги. Высокие шкафы, уходящие в полумрак, казались стражами чужих секретов. Мелания подошла к стойке.

— Мне нужны книги и записи о ведьмах и метках, — уверенно произнесла она.

Библиотекарь — сухая женщина с тонкими губами и строгим взглядом — молча кивнула и показала рукой направление. Мелания собрала несколько книг, каждая тяжелее другой, и уселась за массивный дубовый стол, рассчитанный на восемь человек. Тишина была почти давящей: только шелест страниц, скрип её карандаша и постепенно нарастающее раздражение.

Не то! И это не то, что мне нужно! Сколько времени я потрачу впустую? Бред, кто вообще так пишет? Надо искать усерднее.

Час сменялся другим. Информация о ведьмах оказывалась разрозненной: легенды, страшилки, поверхностные упоминания ковен. Ничего конкретного. Ничего о метке. Она устало потёрла виски, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Когда снова посмотрела вперёд — замерла.

Через стол от неё сидел парень. Мелания вздрогнула. Она точно не заметила, как он появился. Светлые короткие во-

лосы аккуратно подчёркивали его черты, а тёмные глаза казались слишком глубокими, будто в них пряталась целая история. Улыбка играла на его лице — яркая, почти мистическая, и оттого казалась немного ненастоящей. Он сидел, сложив руки, и внимательно наблюдал за ней. Взгляд был прямой, чуть насмешливый.

— Как тебя зовут, — поинтересовался незнакомец.

— Мелания. Мелания Мон, — громко ответила она.

— Приятно познакомиться, Мелания. Меня зовут Аарон Блэквелл.

Аарон встал и направился к ней навстречу. Двигался он спокойно, почти лениво, будто не сомневался, что его появление здесь — естественно. Мелания заметила лёгкую небрежность в его одежде: тёмная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, джинсы, потертые на коленях. Но не одежда приковывала взгляд. От него исходило странное спокойствие, будто тёплая волна, накрывающая с головой. Мелания почувствовала, как тревога внутри ненадолго притихла. И именно это её насторожило. Аарон аккуратно сел рядом, не спрашивая разрешения.

— Интересуешься ведьмами? — его голос прозвучал тихо, но слишком уверенно, словно он уже знал ответ.

— Да, — коротко ответила Мелания, скользнув взглядом по страницам. — Но тут нет нужной мне информации.

— Конечно нет, — усмехнулся он. — Ты не найдёшь в этой библиотеке ничего стоящего, поверь. Ведьмы бы не поз-

волили, чтобы правда о них лежала на полках обычного читального зала, куда может зайти любой зевака.

Мелания нахмурилась.

— Раз ты такой просветлённый, скажи, куда мне пойти за информацией?

Аарон наклонился чуть ближе, его улыбка блеснула в полумраке.

— А это уже зависит от того, насколько сильно ты готова её узнать.

Аарон собирался что-то добавить, но в этот момент двери библиотеки распахнулись. Внутрь вошёл высокий парень, на плечах у него висели две девушки, а третья шла рядом. Они смеялись громко, почти вызывающе. Девушки старались изо всех сил привлечь к себе внимание — перебивая друг друга, заигрывая, наклоняясь к нему ближе. Парень же держался спокойно, даже лениво. Его улыбка была лёгкой, но взгляд — отстранённым, будто всё это внимание его не трогало. Он просто позволял девушкам быть рядом. Смех разнёсся по залу, нарушая привычную тишину библиотеки. Мелания невольно напряглась. Но больше всего её поразило другое — никто не сделал им замечания. Ни строгая библиотекарь, ни другие посетители. Словно все решили, что это обычное дело.

Мелания закатила глаза. Ей это показалось несправедливым, странным. Только через пару мгновений она уловила знакомую черту — наклон головы, чуть насмешливую улыбку.

ку. Сердце кольнуло: это был тот самый парень, которого она видела у кинотеатра. Она резко отвернулась, не желая задерживать на нём взгляд.

Аарон, заметив её реакцию и шумное появление компании, мягко произнёс:

— Похоже, нам стоит поискать место потише. Здесь всё равно нет стоящей информации.

Мелания колебалась. Ей не хотелось идти с незнакомцем, но сидеть под этот смех было невыносимо.

— Пойдём в кафе, — предложил Аарон.

Его улыбка стала теплее.

— Угощу тебя пирогом и чаем. Поверь, там куда спокойнее.

Даже если информация окажется бесполезной, я ничего не потеряю — хотя бы поем. Причём бесплатно.

Она снова украдкой взглянула в сторону шумной компании. Девушки громко заливались смехом, а парень среди них казался центром притяжения. Мелания почувствовала, как её кольнуло раздражение. Она глубоко вдохнула и посмотрела на Аарона.

— Ладно.

Его улыбка стала чуть шире, глаза блеснули удовлетворением.

— Отлично, тогда идём, — сказала Мелания, вставая и поправляя сумку на плече.

Аарон легко отодвинул стул, позволив ей пройти первой,

и их шаги растворились в библиотечной тишине. В дальнем углу, среди лёгкого хихиканья девушек, парень с прищуром перевёл взгляд на Меланию. Его руки всё ещё лежали на их плечах, но пальцы ослабли. Он смотрел хищно, оценивающе, будто присматривал добычу, но не торопился приблизиться. Улыбка, скользнувшая по его лицу, была едва заметной — больше похожей на отметку для самого себя: заметил.

Мелания ничего не почувствовала. Она лишь ускорила шаг к выходу, крепче прижимая сумку, не догадываясь, что оставила за спиной внимательный, слишком пронзительный взгляд.

Кафе оказалось небольшим, с низким потолком и большими окнами, за которыми тянулся серый свет. Внутри пахло свежей выпечкой и чаем с бергамотом. За витриной красовались пироги, и Аарон, не дожидаясь её согласия, заказал два куска и чайник на двоих.

Мелания выбрала столик у стены, чуть в стороне от других. Она села, скрестив руки, будто создавая между ними барьер. Аарон, наоборот, устроился вольготно, словно был здесь хозяином. Его тёмные глаза блеснули, когда он заметил её настороженность.

— Ты выглядишь так, будто собираешься допросить меня, — с улыбкой сказал он.

— А должна? — холодно ответила Мелания. — Ты слишком уверенно говоришь о вещах, которые большинству даже в голову не приходят.

Аарон откинулся на спинку стула.

— Ты о том, что в библиотеке нет любопытной информации для тебя? Просто я люблю истории, которые другим кажутся страшными.

— Откуда информация? — она не сводила с него взгляда.

— Ты ведь не ведьма.

Он тихо рассмеялся.

— Ну, к счастью или к сожалению, нет. Но моя семья живёт здесь давно. Знаешь, когда растёшь в Блэкмунэйле, сплетни про ведьм становятся почти фоном.

Мелания чуть прищурилась.

— И этого достаточно, чтобы делать такие заявления?

— Иногда слухи — самая надёжная правда, — ответил он легко. — Скажи сама: ведьмы не позволят, чтобы о них писали в каждой книге. Ты же сама видела — в библиотеке одна ерунда.

Ведьмы не скрываются, а информации о них всё равно мало — и это понятно.

Она отвела взгляд, грея руки о кружку с чаем. Его слова звучали логично.

— А зачем тебе всё это? — спросила она после паузы. — У других хобби попроще.

— Кто-то коллекционирует марки, кто-то слушает странную музыку, а я собираю легенды. Может, это и глупо. Но мне нравится то, чего другие боятся.

С каких пор сплетни стали легендами?

Мелания молча разломилла кусочек пирога. Её голова была полна вопросов, но самый главный из них всё сильнее бился внутри.

Почему мне кажется, что он знает больше, чем говорит? Кто ты такой, Аарон?

Аарон будто почувствовал её мысли.

— Знаешь, — продолжил он, откинувшись и сделав глоток чая, — говорят, у ведьм есть знаки. Метки. Их невозможно спутать ни с чем.

Ложка замерла в её руке. Она медленно опустила её на блюде, стараясь не выдать, как сильно задели эти слова.

— А откуда ты это знаешь? — спросила она тише.

— Слухи, — Аарон улыбнулся мистической улыбкой, — и немножко наблюдательности.

— Расскажи мне что-нибудь интересное о ведьмах.

Аарон приподнял бровь и лениво улыбнулся.

— За любую информацию нужно платить.

— Хочешь взять с меня денег?

Мелания скрестила руки.

— Нет, — он наклонился чуть ближе, понижая голос. — Деньги скучны. Давай сделаем так: я говорю тебе информацию, а ты мне. Всё честно.

Мелания замерла, почувствовав, как внутри что-то неприятно кольнуло.

Это похоже на ловушку. Но у меня нет другого выбора. Если я хочу узнать правду

— Идёт, — произнесла она вслух.

Аарон откинулся на спинку стула и удовлетворённо улыбнулся, будто именно этого и ждал. Он чуть склонил голову набок, будто выбирая, с чего начать.

— Ладно. Первое — метки, — его голос стал тише, серьёзнее. — У каждой ведьмы есть знак. Редкий, странный. Чаще всего появляется на коже, будто ожог или шрам, и всегда в одном месте. Говорят, это полынь — трава, которую духи используют как ключ.

Мелания почувствовала, как сердце сжалось, но тут же отвела взгляд, сделав глоток чая.

— Красиво звучит, но слишком похоже на очередную легенду, — ответила она холодно.

— Возможно, — мягко согласился Аарон.

Его улыбка стала почти невинной, но взгляд задержался на её лице чуть дольше, чем следовало.

— Но ведь каждая легенда на чём-то основана, правда?

Она заставила себя усмехнуться, хотя внутри нарастала паника.

— Хорошо, расскажи ещё что-нибудь.

— Подожди...

Он приподнял ладонь, будто останавливая её.

— Я рассказал тебе о метке. Теперь моя очередь задать вопрос.

Мелания нахмурилась.

— О ведьмах?

— Нет, — его улыбка смягчилась, стала почти тёплой. —
О тебе. Хочу узнать про Меланию Мон.

Она чуть дёрнулась, не ожидая этого.

— Что тебе хочется узнать обо мне?

— Всё, — легко бросил Аарон. — Ты сидишь в библиотеке с видом, будто ищешь истину, до которой другие даже не осмелятся дотронуться. И ты явно умнее, чем хочешь казаться.

Мелания отвела взгляд к окну.

— Умнее? Возможно. Я хожу в библиотеку, иногда в кино, люблю смотреть сериалы. Училась бы сейчас в колледже, если бы всё сложилось иначе.

Она говорила осторожно, словно выбирала каждое слово. О магии — ни намёка. Аарон слушал внимательно, с тем выражением, от которого у неё появилось странное ощущение: будто он видел в ней больше, чем она показывала.

— Мне нравится, — сказал он, когда она замолчала. — Интересная. С огнём внутри.

Мелания закатила глаза.

— Ты слишком любишь красивые слова.

— А ты слишком боишься довериться, — ответил он в тон. — Но это пройдёт.

— Не обольщайся, — отрезала Мелания. — Я тебе не доверяю.

— Конечно, — Аарон чуть усмехнулся. — Но это вопрос времени.

Мелания скрестила руки на груди, отгораживаясь от его слов.

— Ты сказал: у каждой ведьмы есть метка. Это твоя интересная информация. Что дальше?

Аарон сделал паузу, будто выбирая, стоит ли говорить. Его улыбка чуть поблекла.

— Ещё кое-что. Про сны.

Мелания насторожилась, но сохранила спокойствие на лице.

— Сны?

— Ведьмам часто снятся мёртвые, — его голос стал низким. — И, если мёртвый приходит, он никогда не появляется просто так. Он всегда чего-то требует. Иногда — защиты. Иногда — возмездия. А иногда — напоминания о долге, который ведьма обязана исполнить.

Мелания едва заметно сжала кулаки под столом.

— И, если ведьма не исполнит долг? — спросила она как можно спокойнее.

Аарон посмотрел на неё слишком пристально.

— Тогда мёртвые начинают забирать. Сначала мелочи: здоровье, спокойствие, удачу. А потом — больше. Несчастные случаи, аварии смерть.

Мелания сделала вид, что её это не задело, но чай в кружке чуть дрогнул от её руки.

— Красивые страшилки, — произнесла она ровно. — Но это не доказывает, что ты прав.

— Может и так, — легко согласился он, снова улыбнувшись. — Но, если вдруг тебе приснится кто-то мёртвый не игнорируй. Поверь, лучше не проверять на себе.

Мелания сделала вид, что её это не волнует.

— Ну, теперь твоя очередь, — напомнила она, чтобы скрыть волнение.

Аарон наклонился вперёд, опершись локтями о стол.

— Запиши мой номер, — его улыбка снова стала лёгкой, обыденной. — Если вдруг захочешь спросить ещё что-то, или если будет нужен кто-то, кто выслушает.

Она нахмурилась.

— Я же сказала, я не доверяю тебе.

— А я и не прошу, — мягко ответил он. — Просто номер.

Мелания колебалась. В голове боролись два голоса: "Нет, забудь, он не поможет" и "Ты же хочешь узнать больше." Наконец она достала телефон, ввела цифры, и Аарон коротко улыбнулся.

— Вот и всё. Теперь твой ход. Расскажи хоть что-то о себе.

— Я уже рассказала, — пожалала плечами Мелания, стараясь выглядеть равнодушной.

— Ты любишь тайны, — его взгляд блеснул. — Как и я.

Она не ответила. Лишь убрала телефон в сумку, стараясь скрыть, как внутри всё клокотало от тревоги и странного притяжения к этому парню.

Разговор незаметно свернул в сторону от ведьм и меток. Они обсуждали погоду, любимые фильмы, неловкие истории

из детства. Казалось, всё это не имело значения, но именно эти простые слова, лёгкий смех и мельком сказанные фразы постепенно размывали границы. Между ними возникло что-то похожее на притяжение — хрупкое, ещё неоформленное, но уже осязаемое. Когда Мелания подняла глаза к окну, она заметила, что на улице давно стемнело.

— Мне пора, — тихо сказала она.

— Я провожу, — сразу отозвался Аарон.

Мелания покачала головой.

— Не стоит. Мы только познакомились.

Она улыбнулась уголком губ, но в её тоне звучала твёрдость. Аарон не стал спорить, лишь мягко кивнул.

— Хорошо. Но тогда сделай одно: напиши, как доберёшься. Чтобы я знал, что с тобой всё в порядке.

Его слова прозвучали просто, без давления, но в них была забота, к которой она не привыкла. Эта маленькая просьба стала тонкой нитью, связывающей их. Мелания вдруг почувствовала, что ей будет не так уж сложно отправить одно короткое сообщение. Она вышла на улицу. Воздух был прохладным, небо затянули облака. Дорога домой прошла быстро, и в груди стояла странная лёгкость.

Дома царил тишина. На часах было всего девять вечера, но мать уже спала. Мелания нахмурилась: это было странно — Долорес обычно ложилась позже. Но в этот раз её ранний сон оказался на руку. Не будет расспросов. Не будет подозрений. Мелания тихо поднялась в свою комнату, закрыла за

собой дверь и упала на кровать, не включая свет. Она достала телефон, на секунду поколебалась — и всё же написала короткое: "Я дома." Ответ не пришёл сразу, и она отложила телефон на тумбочку. Тело расслабилось, веки стали тяжёлыми. Усталость опустилась на Меланию, как тяжёлое пуховое одеяло.

Сон пришёл тяжёлый и тревожный. Мелания стояла в длинной сорочке, испачканной засохшей землёй. Холод пробирал до костей. Она смотрела вперёд, но вокруг был лишь густой туман. Ноги утопали в пустоте, и казалось, что под ними вовсе нет земли. По коже пробежал лёгкий ток — кто-то коснулся её спины. Мелания обернулась. Там стояла бабушка. Лицо её было спокойным, даже ласковым, и морщинистые пальцы мягко скользнули по метке мёртвой полыни.

— Запомни, — произнесла она низким, шепчущим голосом. — Слуга предков решит, кто живёт, а кто падёт.

С каждым её словом туман вокруг темнел, наливаясь в густой бордовый оттенок. Вдалеке раздался дикий, мучительный крик. Бабушка посмотрела ей в глаза.

— Беги!

Мелания сорвалась с места. Она чувствовала, как за ней что-то идёт, тянется, вот-вот схватит. Туман обволакивал, превращался в тяжёлые стены, с каждой секундой становилось всё труднее дышать. Она проснулась с криком.

— Это был просто сон... просто сон... — убеждала она себя, но страх не уходил.

И в голове всплыло лицо Аарона. Его слова о снах. О том, что нельзя игнорировать мёртвых. Руки дрожали, когда она потянулась за телефоном. Набрала номер.

— Алло? — сонный голос, но без малейших колебаний.

— Мне страшно, — выдохнула она, чувствуя, как предательски дрожит голос.

Короткая пауза.

— Говори адрес, — твёрдо ответил он. — Я подойду.

Прошло не больше получаса. Телефон завибрировал: "Я здесь." Мелания выглянула в окно и увидела его силуэт у калитки. Написала коротко: "Иди на задний двор. Калитка открыта." Аарон тихо прошёл через двор, сел на старую лавочку. Мелания вышла. Волосы растрепаны, длинный шерстяной шарф наброшен наспех. Аарон похлопал по месту рядом.

— Садись.

Она опустилась на лавочку, прижимая к себе колени. Аарон скользнул по ней взглядом, и в его глазах мелькнуло что-то большее, чем простое участие. Ночь подчёркивала её зелёные глаза, и на секунду он задержал дыхание.

— Мне приснилась бабушка, — наконец сказала она. — Сон... он был ужасный.

Аарон кивнул, внимательно глядя на неё.

— Ты ведьма, да? — произнёс он почти шёпотом, будто боялся спугнуть её признание.

— Я... — Мелания замаялась, но быстро поняла: скрывать

бессмысленно. Особенно после его слов про сны. — Да.

Он чуть склонил голову.

— Я догадывался. Но услышать это от тебя... другое дело.

Не заставь меня пожалеть об этом разговоре, Аарон.

Она рассказала — почти всё. Про бабушку, сон, крик.

Лишь пророчество оставила при себе. Оно было слишком страшным, слишком личным. Аарон выслушал молча. Потом положил локоть на спинку лавки, глядя куда-то в темноту.

— Не волнуйся. Я помогу.

— Как? — голос её дрогнул.

Он выдержал паузу, прежде чем заговорить, как будто решил доверить ей свою самую большую тайну.

— У меня в роду была ведьма. Давным-давно. Она оставила после себя записи ритуалов. Их хранили у нас в семье, как память. Она тоже видела сны... но однажды проигнорировала. И исчезла.

Он посмотрел прямо на неё.

— Я не хочу, чтобы с тобой случилось то же самое.

Мелания почувствовала, как внутри сжимается тревога.

— Ты правда думаешь, что сможешь понять, что делать с моими снами?

Аарон едва заметно улыбнулся.

— Не обещаю чудес. Но мы попробуем. Вместе.

Он сказал это так мягко и уверенно, что сопротивляться было невозможно. Мелания впервые за долгое время почув-

ствовала — она не одна.

— Пожалуйста, не говори никому, что я тебе сказал про — неуверенно произнёс Аарон.

Мелания перебила его.

— Обещаю, я не расскажу, и спасибо тебе, — тихо сказала Мелания, поднимая на него взгляд. — Правда. Я я просто устала. Давай разберёмся с этим позже.

Аарон чуть наклонился вперёд, его голос прозвучал неожиданно тепло:

— Конечно. Отдохни. Всё остальное подождёт.

Он поднялся с лавочки, поправил ворот рубашки и, задержав на ней взгляд чуть дольше, чем обычно, добавил:

— Доброй ночи, Мелания.

Она кивнула и проводила его взглядом, пока он не скрылся за калиткой. Тишина снова воцарилась во дворе. Мелания осталась сидеть на холодной деревянной лавке, обхватив руками колени. Ветер тронул верхушки деревьев, и листья зашуршали, словно перешёптывались между собой. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Воздух пах сыростью — скоро должен был начаться дождь. Мелания поднялась и медленно направилась к дому. Словно сама ночь подсказывала ей: это было только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.